

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

ПОХОЖДЕНИЯ
СОЛОМЕННОЙ
ВДОВУШКИ

Анастасия Соловьева

Похождения

соломенной вдовушки

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587785

Соловьева А. Похождения соломенной вдовушки: Центрполиграф;

Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4383-9

Аннотация

Людмиле Вадим достался, словно принц Золушке, почти чудом. Правда, после двадцати лет совместной жизни возвышенная отстраненность Вадика от обыденности уже слегка раздражала. Но когда прямо во время отпуска на экзотическом курорте муж сказал, что хочет уйти, для Люды это стало настоящим ударом. Жизнь начинала новый виток с абсолютного нуля. Однако соломенное вдовство Людмилы оказалось временем полным веселых недоразумений, пикантных приключений и странных совпадений.

Содержание

1	4
2	10
3	12
4	17
5	19
6	23
7	29
8	31
9	36
10	40
11	42
12	44
13	52
14	56
15	57
16	61
17	63
18	65
19	67
20	70
21	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анастасия Соловьева

Похождения соломенной вдовушки

1

Муж курил, напряженно глядя на море. Я допила кофе, немного подождала... Он сидел по-прежнему неподвижно, словно зачарованный морскими миражами.

Я потихоньку начинала беситься. Тоже мне, звездный мальчик... Маленький принц на пятом десятке!.. До отъезда осталось всего ничего, а он, как говорят, и ухом не ведет.

Не замеченная мужем, я встала из-за стола, легко сбежала по ступенькам террасы ресторана и зашагала к отелю.

Как гласила надпись на воротах Освенцима, каждому свое! Одним – любоваться лазурной гладью, другим – паковать вещи, проверять документы и созваниваться с Москвой, дабы по возвращении на родину не оказаться брошенными в аэропорту на произвол судьбы. Где как, а у нас в семье роли распределены четко, однозначно и, очевидно, раз и навсегда.

Первым делом я позвонила в свой офис – сказала, чтобы завтра к десяти часам в аэропорт Домодедово за мной прислали машину. Секретарша Верочка выслушала распоряже-

ния, может, даже что-то черкнула для проформы, но дальше... на меня буквально обрушился водопад!

– Людмила Александровна! Вы как чувствовали! Или вы уже знаете?! Они... звонили... только что... и... вы представляете?!

– Кто, Вера? Кто звонил?

– Да эти! Из «Промстройсервиса»! Они покупают здание на Транспортной... Ой, Людмила Александровна, смотрите! Они уже письменное подтверждение скинули!

Я догадалась, что Верочка открыла электронную почту.

– И что ж они пишут?

– Готовы перевести средства в счет оплаты в течение месяца!..

– Прекрасно. Ты не забыла про аэропорт?

– Какой аэропорт? – опешила секретарша.

– Завтра к десяти часам утра за мной нужно прислать машину в аэропорт Домодедово. Я из Сардинии звоню!

– Ой! Ну конечно!..

– Свяжись с водителем, предупреди его. И сделай это немедленно, – настаивала я. – Сейчас же!

– Людмила Александровна! Обязательно, – затараторила Верочка, испугавшись моего настойчивого тона. – Во сколько, вы сказали?... Машину прислать?... А куда?

Бестолковая, вздохнула я, отключившись. А где взять других?... Эта, по крайней мере, открытая, искренняя.

И конечно, сделка такого масштаба – огромный успех всей

нашей компании. А для Верочки к тому же это первая крупная операция, совершающаяся у нее на глазах. И нельзя не признать – при некотором ее участии...

Размышляя о предстоящей сделке, я укладывала вещи в чемодан. Последним положила купальник. Со вчерашнего дня он сушился в душе. Удивительно, как я вообще вспомнила о нем.

Но стоило мне только застегнуть «молнию» на чемодане, как в номер вернулся муж.

– Скучаешь?

– Отнюдь! – Я покачала головой. – Вещи собираю. Мне скучать некогда!

– Как же? Знаю-знаю! Старые песни о главном... Пойдем на пляж, а? Время еще есть.

– Только я все упаковала...

– Так распакуй! Какие проблемы? – Он улыбнулся развязно и чуть натянуто.

На пляже, как всегда в этот час, былолюдно. Яркосветило солнце, у берега шумно плескались отдыхающие.

Я по натуре человек рациональный. Входя в море, энергично работаю руками и ногами, имея в виду хороший тонус и избавление от лишних килограммов. Заплываю подальше в незамутненные воды и оборачиваюсь. Слепящие солнечные блики на морских волнах, вдалеке крошечные фигурки, излучающие радостную суету даже на расстоянии... Я смотрю на берег и тоже стараюсь радоваться изо всех сил. Так

стараюсь, что сама не понимаю, получается у меня или нет.

И на этот раз все было в точности так же.

Я вылезла из моря и улеглась рядом с мужем в шезлонг. На его шоколадной спине всеми цветами переливались крупные капли. В этом было что-то коммерческое. Как будто на рекламном плакате.

– Люд, мне нужно кое-что тебе сказать. – Муж положил руку мне на плечо – кажется, впервые за двадцать лет нашего брака он сделал это на людях.

– Скажи! – Я засмеялась, заинтригованная его поведением. Обнимает, да еще собирается что-то сказать! Это что-то новенькое...

– Люда, ты должна отнестись к этому... В общем, то, что я скажу сейчас, это... важно.

– Ну говори, я готова.

– Люда, ты не обижайся! Ты попробуй понять...

– Нельзя ли без предисловий?! – не выдержала я.

– Без предисловий? Тогда... В общем, я от тебя ухожу.

Я тупо, как баран на новые ворота, посмотрела на мужа:

– Куда уходишь, Вадим?

– Не важно! Не имеет значения.

– А квартира?

– Квартира тебе...

– У тебя что... появился другой дом?

– Да что ты заладила: дом-квартира! Ты хоть понимаешь, что я тебе сказал?! Я ухожу...

– Прямо сейчас?

– Ну да, в общем.

– А твои вещи?

– Ну что ты за человек?! Я думал, ты огорчишься, или заплачешь, или хотя бы ругаться начнешь, а ты...

– Куда ты уходишь? – перебила я. – В номер?

– Сначала в номер.

– Пойдем вместе. Надо вещи разобрать, а то я все вместе покидала, свои с твоими. Предупредил бы заранее.

– Опять вещи?! Людмила, что с тобой? Ты можешь говорить только о вещах? О вещах или о квартирах?!

Муж пристально посмотрел на меня. Но я не дрогнула под его взглядом: привычным жестом свернула полотенце, наде-ла сабо и замысловатым узлом завязала парео на правом боку.

– Идем!

– Да не нужны мне никакие вещи!

– Я тебе не носильщик – таскаться по свету с твоим барахлом!

– Можешь его выкинуть! Оставь в номере...

– А документы тоже прикажешь в номере оставить?

– Ах!.. Я не подумал.

– Потому что ты думать отвык! Мне приходилось за двоих думать! – ответила я, переходя на повышенный тон.

– Люда, перестань, сейчас не время... и потом, неудобно, – бормотал муж. – Здесь место неподходящее. Я, наоборот, ду-

мал, ты на людях не станешь...

Он только масла в огонь подлил!

Я с силой отшвырнула пляжную сумку, стряхнула сабо с ног и как подкошенная рухнула в шезлонг. Сумка угодила в голову загоравшей по соседству аппетитной дамы. Дама взвизгнула. Справа от дамы поднялся такой же дородный, как и она, мужчина и угрожающе направился к Вадику. В мужчине я без труда признала соотечественника.

– Приди в себя! – шептал муж заполошно. – Что ты творишь?!

– Не видишь?! В себя прихожу!

– Ща я тя, падла, в себя приведу! Моментом! – Дюжий мужик вплотную подошел Вадику. – Ты тут чё?

В следующее мгновение я увидала здоровенный, красный кулак и искаженное лицо Вадика. Не помня себя от ужаса, бросилась между ними, но было поздно.

И все-таки он ушел. Побитый, без вещей, с одними документами...

Когда за Вадимом захлопнулась дверь, я чувствовала себя точно под действием глубокой анестезии. Ясное сознание и абсолютная нечувствительность ко всему внешнему. Можно рвать зубы, вправлять вывихи и делать полостные операции.

«Мне не больно», – навязчиво крутилось у меня в голове.

Чтобы отвязаться от назойливой мысли, я стала вытаскивать из чемодана Вадькины вещи. Джинсы, футболки, шорты... Все до единой были куплены мной, причем не абы где, а в самых дорогих и престижных магазинах, выбирались долго, с любовью.

...А та другая... будет ли она заботиться о нем, как я? Да, наверное, уже заботится. С ним же нельзя иначе!.. А зачем? Влюбилась. Или просто захотела замуж.

Конечно, второе – вероятнее всего. Ведь мой муж ценен просто как особь мужского пола. Как индивидуальность он представляет собой мало интересного.

Одежду я все-таки решила забрать. Она может понадобиться ему в Москве. Зачем же зря выкидывать деньги?

А вдруг Вадим передумает и захочет ко мне вернуться?..

Что-то подсказало: не передумает. После безобразной сцены на пляже не передумает ни за что!..

Подсказка пришла откуда-то извне. Я оглянулась, посмотрела в окно. Со стены соседнего дома на меня смотрели загадочные глаза синьоры в средневековом костюме – католической Богородицы или обычной, рядовой святой.

Когда мы только приехали в отель, хозяйка невзначай обронила: эта фреска XIV века, настоящий памятник Позднего Возрождения.

Тогда я подумала: набивает цену. А сейчас смотрела на синьору и ждала: может, она еще что-нибудь мне подскажет.

Под внимательным взглядом католической синьоры анестезия стала медленно уходить в небытие. Появились естественная в моих обстоятельствах боль и в то же время ощущение неоднозначности случившегося. Может, дело вовсе не в другой женщине. А в чем тогда? Или в ком?

Глаза на фреске оставались непроницаемыми – в них не было ни ответа, ни глубины сострадания.

«Помоги себе сам!» – подытожила я, навсегда покидая злосчастный номер.

В самолете выяснилось новое обидное обстоятельство. Вадим поменял билет. Не захотел лететь рядом. Боже, что такого я ему сделала?

Моим соседом по креслу был румяный белокурый молодой человек. Включив на полную громкость плеер, он тотчас уснул и проспал до самой Москвы.

Мне пришлось лететь в навязанном обществе незнакомых хардовых мелодий и старых, полуистертых воспоминаний.

Я видела себя шестнадцатилетней девочкой, входящей в незнакомый класс. Мне не было страшно, не было любопытно, я не мечтала о новых друзьях и романтических встречах. Для своих лет я была, пожалуй, чересчур искушенной.

Такие метаморфозы часто случаются с детьми, рано потерявшими родителей. Моя мать умерла, когда мне было всего тринадцать. Через год папа женился на другой. Тогда-то в одночасье и закончилось мое детство.

Я переехала к бабушке. Она жила на Студенческой, в небольшой двухкомнатной квартирке с длинными просторными лоджиями. Папа не возражал и даже стал выдавать на мое содержание небольшую сумму. Дальше – крутись, как хочешь.

Я устроилась в детскую поликлинику уборщицей. Удобно: поликлиника находилась на первом этаже бабушкиного дома. К тому же с детства я мечтала стать врачом, а все знают, что стаж работы в учреждениях здравоохранения – большое подспорье при поступлении в медицинский.

Вечерами я тусовалась с местной шпаной, пила в подъезде дешевый портвейн и брэнчала на трех аккордах дворовые песенки. Друзья наперебой хвалили мое мурлыканье. Я понимала: они просто добиваются моей благосклонности. Все без исключения... Да пусть добиваются – мне по барабану!

Вот такой, повидавшей виды, самоуверенной, даже самолюбленной, я входила в класс новой, вечерней школы. У окна стояли мальчишки, пожимали руки, знакомились. Один – нескладный, очень высокий, с косой челкой – назвал фамилию: Ненашев.

Рыжий толстяк добродушно заржал:

– Не наш! Чужой, короче!

Другие подхватили:

– Ни вашим ни нашим! Ни рыба ни мясо!

Нескладный отвернулся и стал смотреть в окно.

Отношения с ребятами у него не заладились.

Зато некоторые девчонки нашего класса крепко запали на этого Ненашева. Например, моя соседка по парте Маринка. В школу она ходила только затем, чтобы собирать и распространять сведения из жизни своего кумира.

– Знаешь, где он живет? – глядя широко раскрытыми глазами, спрашивала у меня Маринка.

– Ну и где?

– На Кутузовском! Представляешь? В доме между «Пионером» и «Призывом»¹.

– Значит, у него родители – шишки. Только по нему не скажешь!

Все ее сногшибательные новости я обычно встречала презрительным фырканьем.

---

¹ В восьмидесятые годы два этих кинотеатра находились в начале Кутузовского проспекта недалеко друг от друга.

– Да, правда... – терялась Маринка. – А ты знаешь, где он учился раньше?

– Откуда ж мне знать?

– Во французской спецшколе номер два. Имени Ромена Роллана.

– Его оттуда за тупость выгнали?

– Да ну тебя, Люд! Ты же знаешь, Вадька – голова! Просто он поругался с кем-то. С завучем, что ли...

Долгих бесед в таком тоне Маринка не выдерживала. А я только тешилась, наслаждаясь ее беспомощностью и своим превосходством. Хотя по-своему Ненашев тоже был интересен мне. Это был какой-то странный, специфический интерес. Интерес крапивы к тепличному цветку. Иногда мне нравилось смотреть на него. Изредка я ловила себя на мысли, что думаю о нем. Обычно это происходило в тот момент, когда я уже засыпала.

Однажды после уроков мы с Ненашевым вместе пошли к метро. Говорить было не о чем. Он спросил, куда я собираюсь поступать после школы.

– А ты? – Откровенничать с первым встречным было не в моих правилах.

– В УДН.

– А что это такое? – удивилась я. – Что-то я не слыхала про такой институт.

Он объяснил: УДН – Университет дружбы народов. Учатся там в основном иностранцы, и лишь в виде исключения в

УДН принимают наших.

– А не наших?

Не заметив моего каламбура, он продолжал.

Его мечта – международная экономика. В УДН самый сильный в стране экономический факультет. Плюс там можно в совершенстве овладеть иностранными языками. Если все срастется, перед ним открывается блистательная карьера. К слову сказать, с языками у него – полный порядок. С четырех лет он изучает французский, с десяти – английский. В этом году мама взяла ему репетитора по итальянскому. Сейчас он, кстати, едет на урок.

Я больше не язвила, слушала со снисходительно-доброжелательным видом, даже мысленно не пропуская себя в сказочный мир величественных сталинских домов, частных уроков иностранного и заграничных вояжей.

Что я видела к своим шестнадцати годам? В поликлинике – ведра и тряпки, грязный, исполосованный линолеум, убогую бабушкину квартирку, несколько десятирублевых бумажек, щедро даруемых отцом каждый месяц. А что мне светило в будущем? В самом счастливом случае – все та же районная поликлиника!..

Прощаясь, я искоса взглянула на Ненашева и мысленно пожелала ему осуществления всех звездных планов. Очень уж не хотелось унижаться до зависти. В конце концов, у каждого свой удел.

В следующий четверг, ровно через неделю, Ненашев по-

дошел ко мне и спросил:

– Ты к метро сегодня?

Я помнила: по четвергам у него итальянский, и, значит, мы опять можем пройтись вдвоем и немного поболтать. Однако сегодня у метро мне совершенно нечего делать. В прошлый раз я ездила к отцу за деньгами, а сейчас меня ждут детская поликлиника и километры немых коридоров. Посомневавшись, я сказала:

– Пойдем.

На этот раз он говорил о прелестях итальянского языка. И чтобы я поверила, громко произносил по-итальянски отдельные слова и целые фразы. Мягкий февральский день незаметно перетекал в сумерки. В желтом свете фонарей парили, не торопясь упасть, снежные хлопья. Я слушала музыкальную итальянскую речь и была счастлива незнакомым, красивым счастьем.

До конца мая мы ходили к метро по четвергам. Потом сдали выпускные экзамены и не виделись долго-долго.

Из аэропорта я поехала в офис.

Меня ждали. Даже организовали небольшой фуршет с фруктами и шампанским в честь возвращения из отпуска директрисы. Настроение в конторе было приподнятым. Пили за мое здоровье, за успех предстоящей сделки, за выход на новые рубежи и, наконец, просто за всеобщее процветание.

Я неожиданно почувствовала, что напилась. Это от голода. В последний раз я ела сутки назад. Завтракала с мужем в ресторане в Италии. А теперь я в Москве, на работе и – без всякого мужа... У меня вырвался короткий нервный смешок.

Начальница отдела коммерческой недвижимости Воробьева незаметно толкнула свою подругу – дылду Ананьеву. Сощурившись под толстыми очками, Ананьева воровато скопилась в мою сторону. Потом, наклонившись над Воробьевой, что-то быстро ей шепнула.

Я догадалась: самое время сворачивать сабантуй.

– Большое спасибо за теплую встречу! Всем, кто еще не был в отпуске, я желаю провести его так же замечательно, как это сделала я... А сейчас за работу, господа! За работу!

– А я хочу добавить! – проскрипела Воробьева. – Мы должны не только отдыхать, как Людмила Александровна, но и работать так же отлично, как она.

Все разом зашумели, кто-то зааплодировал. Я допила

шампанское и ушла к себе в кабинет.

Если все сотрудники, не дай бог, начнут работать, как я сегодня, наша контора прикроется через месяц! Максимум, на что я была способна в тот день, – пролистать папку с документами на здание на Транспортной улице.

Здание строилось с 1928 по 1930 год каким-то хозрасчетным трестом. В нем разместили рабочую столовую, а с 1935 года – фабрику-кухню. В 1951 году у здания был надстроен третий этаж, в 1976-м – произведен капитальный ремонт. До 1994 года в нем находились кулинария, кафе и кафетерий. Общая площадь составляет две тысячи четыреста семьдесят пять квадратных метров... Каждый исторический этап сопровождался кучей документов, выцветших справок, крошащихся в руках накладных.

Я захлопнула папку и поняла, что близится неизбежное: нужно идти домой.

Квартира, в которую мне предстояло вернуться, находилась в том самом доме между «Пионером» и «Призывом». Никакого «Призыва» давно уже не существует, но про себя я по-прежнему так именую этот дом.

Квартира принадлежала Вадику, а я не имела на нее никаких формальных прав. Эту фразу часто повторяла моя свекровь.

Она, естественно, была в шоке, увидев своего Вадима рядом с «такой девицей». Я вовсе не была ни «такой», ни «девицей», но разве свекровь переубедишь?!

В первый раз мы встретились с ней случайно.

Вадик нечасто приглашал меня в гости, но, если приглашал, имелось в виду: мамы в это время не будет дома. Отсутствие матери было обязательным условием и как бы подразумевалось само собой.

Отец Вадима, Георгий Петрович, наоборот, казался мне неотъемлемой частью их домашней обстановки. Крупный, с пушистыми седыми усами, вальяжный и уютный, он удачно оттенял своего нервного, импульсивного сына, и, не скрою, мне нравилось проводить время в его обществе.

Однажды во время наших приятных посиделок на пороге гостиной неслышно возникла Валерия Михайловна. Поздоровалась, не обращаясь ни к кому конкретно, потом об-

вела всех присутствующих долгим, внимательным взглядом. У нее была осанка балерины, короткий белый свитер красиво подчеркивал высокую грудь и тонкую талию, а длинная красная юбка из шотландки делала ее фигуру торжественной и даже монументальной.

– Мам, это Люда, – промямлил Вадик.

А Георгий Петрович взглянул на меня с опаской. Я догадалась: перед лицом надвигающейся бури он будет усиленно отрицать факт прежнего знакомства со мной.

– Ты о ней никогда не рассказывал.

Валерия Михайловна грациозно прошла по гостиной и уселась в кресло.

– Но я-то понимала, что она существует... Вы чем занимаетесь, Люда?

– В районной поликлинике работаю. Медсестрой.

Я намеренно ответила хрипловато, демонстрируя прокуренный голос. Могла бы вообще сказать по-другому: я – студентка медицинского, учусь на врача. Могла, но не захотела.

– И это тоже легко было предположить! – продолжала Валерия Михайловна. – Медсестра из районной поликлиники... Прекрасная пара молодому сотруднику Внешторга, слушателю академии...

– Лера! – испуганно перебил Георгий Петрович.

– Да что?! Что – Лера?! – Валерия Михайловна уже не скрывала своего праведного гнева. – Наш сын... перебивается какими-то медсестрами! Тебе на все наплевать!..

Я спокойно встала и пошла одеваться в прихожую. Никто из Ненашевых и не подумал меня вернуть.

На улице я испытала почти облегчение.

Наши отношения с Вадиком длились уже два года. Временами, признаюсь, они становились мне почти в тягость. Тяготила висевшая между нами неопределенность. То, что с такой беспощадной ясностью озвучила сейчас Валерия Михайловна. Я и сама это понимала. И особенно остро – в первый момент, когда после нескольких лет разлуки неожиданно увидела Вадима на автобусной остановке у метро «Юго-Западная». Он стал еще выше, заметно раздался в плечах, а его коричневая кожаная куртка, без сомнения, тянула на целое состояние.

– Ты что здесь делаешь? – Вадим обрадовался и удивился.

– Учусь. Наконец-то в институт поступила. А ты?

– Так и я учусь... Вот здорово! Домой можем возвращаться вместе. У тебя лекции до скольких?

Вряд ли бы мы могли вместе возвращаться домой. Я училась на вечернем, а Вадим – студент-пятикурсник – ездил в институт днем и только на дипломные консультации. Но я догадалась: он помнит те наши странные, эфирные отношения и неумело пытается их реанимировать.

Несмотря на социальную дистанцию огромного размера, я наблюдала за Вадимом со смешанным чувством снисхождения и нежности. В своей неловкости он был совершенно очарователен и окончательно покорило мое сердце.

Пришлось брать инициативу в свои руки. В конце концов, нам было уже по двадцать два года, и я не видела ни поводов, ни причин...

Наша любовь катилась как по маслу, пока не возник извечный вопрос: а дальше что?

Моя единственная подруга Ольга уже вовсю собиралась замуж. Девчонки с работы, успевшие обзавестись семьями, казались такими важными и счастливыми.

Не то чтобы я завидовала им... Но все же иногда хотелось задать вопрос: Вадик, а у меня в этом смысле какие перспективы?

Никаких, признавалась себе я, не решаясь произнести вслух проклятый вопрос. Это сделала за меня Валерия Михайловна.

Что Бог ни делает, все к лучшему, решила я, выйдя из подъезда престижного сталинского дома.

В гостиной все переменялось с тех пор. Мы сделали ремонт. Недавно еще один. Дорогой, европейский. Но я все еще помню: в простенке между балконом и дверью в спальню стояло темно-серое кожаное кресло, из которого Валерия Михайловна когда-то открыла по мне прицельный огонь.

По улице в тот день я шла как расстрелянная. В том смысле, что меня расстреляли и я попала прямиком на тот свет. Иду, переступаю ногами, а куда, зачем – неизвестно...

Добрела до дома – дальше что делать? Взяла с полки первый попавшийся учебник. Открыла наугад, увидела череп. Вспомнила: на недавнем экзамене меня пристрасно расспрашивали про носовую полость и глазницы. На все вопросы я ответила без запинки. Потом радовалась и гордилась, как сумасшедшая, не подозревая, что меня так легко и просто расстрелять. Ликвидировать. Отселить в мир душ и теней. От меня осталась одна душа, и для Валерии Михайловны я теперь неопасна.

В комнату заглянула бабушка и сообщила: она сварила щи. Наваристые, с грудинкой. Я промолчала.

– Иди ешь! – продолжала бабушка сердито. – Со своими экзаменами незнамо во что превратилась! Кости остались одни!..

В последнее время бабушка была глобально мной недо-

вольна. Во-первых, ей не нравился институт. Достаточно того, что я окончила медучилище – работаю медсестрой. Теперь пора замуж выходить. А Вадик – робкий, мягкотелый, по ее мнению, никакой не мужик.

А что я оставляю его ночевать, это уж вообще никуда не годится и ни в какие рамки не лезет. Еще спасибо, что про это безобразие она не рассказывала отцу. Он бы задал мне перца!

Это была игра, которую я поддерживала из уважения к бабушке. Мы обе знали: отцу я глубоко безразлична.

– Я щи не буду, – ответила я нехотя.

– Тогда знаешь что? – не отступалась бабушка. – Поставлю-ка я на вечер блины. – Я пожала плечами – делай, как хочешь. – Сегодня селедочку свежую купила, такую жирненькую!.. – При воспоминании о селедке бабушкины досада и недовольство улетучились вмиг. – Чего еще? Сметанки, масла сливочного... А хочешь, откроем клубничное варенье? Вкуснотища!..

Это уже было что-то невероятное. Царская щедрость. Взамен бабушке требовалось немного: участия, послушания, довольной улыбки.

Она часто повторяла:

– Я в твои годы...

В мои годы бабушка не уставала радоваться жизни: все впереди, сама молодая, крепкая, и детей нет – не за кого переживать.

– Откроем варенье, бабуль.

– Ну ладно. Я пошла на кухню... Ты полежала бы лучше, Люд, – добавила она, обернувшись на пороге. – Все с книгами этими возишься!..

Вечером ели ажурные блины с жирной малосольной селедкой. Была даже икра – щучья. А к чаю – дефицитная сгущенка и ароматное клубничное варенье.

Бабушка вспоминала, как полвека назад девочкой она вместе с родителями впервые пришла в этот дом. Бабушкиному отцу за хорошую работу дали квартиру. Он служил раклистом на ткацкой фабрике.

Я спросила:

– Что делает раклист?

– Раклист?! – Бабушка была сражена – она много раз повторяла это слово, никогда не задумываясь о его значении. – Не знаю... Рабочий какой-то. А может, техник, – добавила она неуверенно.

В новом доме все им было в диковинку: собственная кухня, лифт-стакан и газовая колонка. В первое время бабушка ужасно боялась ее шипения и треска. А бабушкина товарка, Лида Коростылева с пятого этажа, из страха перед ярким всполохом пламени колонку вообще не включала и умывалась холодной водой.

Я знала, что дальше разговор собьется на Лиду, на ее аккуратную, самостоятельную дочь, которая вовремя выгнала из дома пропойцу мужа и одна воспитала хорошего, скром-

ного сына Митю. Митя окончил техникум, отслужил в армии и создал дружную семью с некрасивой, но доброй и хозяйственной девушкой Наташей.

По бабушкиному замыслу, мне следовало есть блины, наслаждаться и внимать ее рассказам. И не просто внимать, а видеть в них руководство к действию.

К счастью, до Мити на этот раз не дошло. Кто-то позвонил в дверь. Я сидела, не двигаясь с места.

– Твой, что ли? – с сомнением глядя на меня, спросила бабушка.

– Не знаю. Вряд ли.

– Ладно, пойду посмотрю.

Вскоре она вернулась, раздосадованная, какая-то напряженная.

– Ну вот, а ты говорила...

– Что?

– То!.. Вадик твой пожаловал. На лестнице ждет, в дом заходить не хочет. Премудрый!..

Я понимала, что надо выйти поговорить, но сидела, как будто приклеенная к стулу. Бабушка тормошила: иди.

– Скажи ему, бабуль, пусть придет в другой раз, – выдавила я, наконец.

– А сейчас чего?

– Сейчас у меня не то настроение.

– Иди, тебе говорят!

Она больно толкнула меня локтем в бок. Я вдруг замети-

ла: бабушка как-то странно усмехается, будто знает больше, чем говорит.

– Ну бабушка!

– Я уж двадцать четыре года твоя бабушка.

Делать нечего. Я поплелась в коридор, убеждая себя, что я теперь для Вадима тень и душа. Вообще-то его приход – нарушение всех существующих правил. Вот души – да, могут навещать живых, если это им взбредет в голову. Но являться самовольно к душе...

Дверь была приоткрыта. Вадим стоял на площадке, облокотясь о перила. В руках он держал дорожную сумку.

– Тебе чего? – спросила я сухо.

– Тебя!

Он с силой притянул меня к себе. И сколько я ни старалась, так и не смогла освободиться – руки у него оказались крепкими, властными, истинно мужскими. Как я не замечала этого раньше?!

– Отпусти меня и иди домой, – посоветовала я, устав сопротивляться.

– Если я тебя отпущу, ты уйдешь и захлопнешь дверь. Мне придется звонить, беспокоить твою бабушку...

– А ты не звони. Иди домой и, главное, поищи себе подходящую невесту. Слушатель академии!

– Я пришел к тебе насовсем.

– Зря. Бабушка сказала, что не потерпит в своем доме всякого безобразия.

- Мы поженимся.
- Валерия Михайловна будет против.
- Не имеет значения.
- Она твоя мать.
- Я тебя люблю.
- Тебе кажется...

Я не договорила, осекшись на полуслове, как будто созрела.

Все, что говорит мне Вадим, – чистая, стопроцентная правда. Да что там правда – высокая непреложная истина. Он меня любит, мы будем счастливы, будем вместе!..

Я закрыла, потом опять открыла глаза. За мутным стеклом подъезда в потоке желтого фонарного света порхали похожие на цветы снежинки. И снова, как тогда, по дороге к метро, я испытала глубокое, полнокровное счастье.

Не помню точно, когда Валерия Михайловна снова появилась на нашем горизонте. Кажется, сразу после командировки во Францию. Неделью назад мы прилетели из Парижа, я ездила в институт – восстанавливаться. Вышла из метро, остановилась на светофоре, и в это время кто-то окликнул меня.

– Людмила! – Около вишневых девярых «жигулей» стояла Валерия Михайловна. – Людмила, мне надо с вами поговорить.

– Пожалуйста.

Я спокойно, без укора и пафоса, посмотрела на Валерию Михайловну. Она, может, чуточку постарела, но по-прежнему осталась красивой и очень гордой.

– Поговорим у нас дома. – Валерия Михайловна распахнула передо мной дверцу «жигулей».

Я села в машину почти против воли – мне почему-то трудно было не подчиниться ей.

Беседовали мы недолго, все в той же гостиной. Валерия Михайловна опять уселась в свое кресло, я – на диван у противоположной стены.

– Вы сердитесь? – начала она, выдержав паузу.

Я пожала плечами.

– Давайте говорить начистоту, Люда. Вы считаете, я обидела вас тогда?

– Вы сказали, что думали.

– Я вас недооценила.

– Так бывает. Я понимаю.

– Но продолжаете препятствовать нашему общению... Запрещаете Вадиму ходить в родительский дом.

– Вы сошли с ума... Да разве он разрешения спрашивать стал бы?

– Вы правду говорите?

– Конечно.

– Вот что, Людмила. Переезжайте к нам.

– Зачем?

– Ну если вы не сердитесь на меня... А здесь вам будет намного лучше, просторнее. У Вадима большая, хорошая комната, но, если нужно, я могу уступить вам спальню...

– Нет, что вы, – перебила я ее, – нам спальню не надо. Мы насчет переезда подумаем. Это Вадик должен решить.

– Но вам, я надеюсь, ясно: *вы* будете здесь жить без прописки. Формальных прав на квартиру у вас не будет.

– Не беспокойтесь, у меня собственная жилплощадь есть.

– Я знаю.

– До свидания.

С тех пор я живу в этом роскошном доме.

Говорят: в каждом доме по кому. И тут тоже в предостаточном количестве имелись свои комья. Комья грязи, комья страдания. А свекровь... я скоро поняла – она есть не что иное, как сплошной ком нервов.

Меня она старалась не замечать. Я приняла вызов и платила ей той же монетой. Мне, с ранних лет познавшей законы улицы, легко давались такие игры.

К тому же у меня на руках оказались дополнительные козыри. Все свободное время Вадим проводил только со мной, да и Георгий Петрович по-своему был ко мне привязан.

Вообще за Георгием Петровичем водились некоторые странности. Он как огня боялся жены, но в то же время откровенно ей перечил. Например, когда при всех заговаривал со мной об успехах в институте, развязке нового фильма или о том, как я отношусь к перемене погоды. Валерия Михайловна обычно еле заметно бледнела, и Георгий Петрович вдруг замолкал, пугаясь собственной дерзости.

Иногда его поведение становилось совсем уж парадоксальным. Однажды за завтраком он спросил, почему я так плохо ем.

– Не хочется. Что-то болит голова...

– Да, бывает так у молодых женщин, – задумчиво произнес Георгий Петрович, – перед менструацией.

Все сделали вид, что ничего не произошло. Мы уже научились грамотно реагировать на его пассажи.

Помню, как я была удивлена, узнав, что Георгий Петрович работает вахтером на захудалой фабрике. Как он – выпуск-

ник факультета международной экономики – угодил туда?

Однако я не спешила удовлетворить любопытство, занятая медициной, Вадимом и домашним хозяйством, заботы о котором Валерия Михайловна не преминула полностью переложить на меня.

Как Золушка, я вылизывала пятикомнатные апартаменты, носилась по магазинам, готовила и сервировала ужины к Валериному приходу с работы. Ей непременно требовалась красивая сервировка.

Поначалу мне очень хотелось взбунтоваться. Мой бунт остановила бабушка:

– Не надо, Люда. Это же свекровь.

– Вот именно! Свекровь – пьет мою кровь!

– Ну не надо, детка, не надо. Ты старшего уважь.

– Меня б уважил кто!

– Так как же? Уважили! Позвали в свой дом. Она хозяйка в доме, а ты – ей помощница.

Возможно, в таком распределении обязанностей и проглядывалась некая справедливость. Я была в те годы великовозрастной студенткой, а Валерия Михайловна много работала и хорошо зарабатывала. В начале суровых девяностых она, не бросая своего министерства, пристроилась переводчицей в какое-то, кажется, российско-французское совместное предприятие.

На новом месте Валерию Михайловну ценили и всякий раз присылали за ней красивую серебристую иномарку.

Поздним вечером эта машина доставляла свекровь обратно. Она возвращалась утомленной, в несвойственном ей взволнованном, возбужденном состоянии.

Мне грешным делом казалось, что у Валерии Михайловны на фирме появился любовник. Ничего удивительного, она еще молода, привлекательна, а с мужем – давно уже врозь.

Спят они в разных комнатах. По сто раз в день она напоминает ему про какие-то таблетки и вообще говорит с ним, как с ребенком. Хотя как иначе можно с ним разговаривать?..

Мне по большому счету нравились происшедшие в ней перемены. В свекрови появились проблески человечности. Раньше я в ней этого не замечала. Даже любовь к сыну была у нее какой-то извращенной, жесткой, железной. А теперь она стала теплеть, словно оттаивать после затянувшихся морозов.

Как-то раз Валерия Михайловна вернулась с работы особенно поздно. Мужчины спали. Я готовилась к экзамену и по совместительству исполняла обязанности кухарки и экономки.

– Вам рыбу или бефстроганов?

– Спасибо, Люда. Не надо ничего. Может быть, чаю, хотя...

– Ну, чаю-то мы с вами обязательно выпьем.

– Да, выпьем чаю... И, Люда, я хотела тебя спросить...

Вот ты живешь у нас несколько лет. Тебе ничего не кажется

странным?

– Нет.

Она усмехнулась:

– Я убеждаюсь: вторично недооценила тебя.

– О чем вы?

– Ты очень хорошая девочка, Люда. И прекрасная пара моему сыну.

Ее слова прозвучали так неожиданно, что я отнеслась к ним, как к чему-то кошунственному.

– Валерия Михайловна, ну что вы...

– Я-то? – переспросила она с печальной улыбкой. – Я ничего. Теперь даже умереть спокойно могу.

– При чем здесь «умереть»?

– Да ни при чем, конечно... Хотя, возможно, будет лучше, если ты первой узнаешь обо всем...

– О чем, Валерия Михайловна?

– Я больна, Люда. Тяжело больна.

– Не может быть! Вы в последнее время...

– Да именно! Именно в последнее время!.. Если бы этот диагноз я получила год назад, мне не было бы так тяжело.

– Но ведь диагноз не приговор! В некоторых случаях...

– Только не в моем! – перебила свекровь. – У меня, если и произойдет что-то хорошее, за этим непременно последует смертельный диагноз.

– Валерия Михайловна, ну не отчаивайтесь! Всегда можно что-нибудь придумать... Есть хорошие клиники, современ-

ные медикаменты...

– Перестань, Людмила!.. Хотя спасибо тебе: ты собираешься бороться за мою жизнь. Только жизнь – она, право, этого не стоит.

И неожиданно Валерия Михайловна заговорила о своей жизни.

Она родилась на Дальнем Востоке за год до начала войны. Ее отец был, как тогда выражались, крупным хозяйственником, мама – наследница старинного дворянского рода – преподавала музыку и французский. Жили хорошо, дружно, в достатке. Тяготы войны почти их не коснулись.

В конце сороковых семейство перебралось в Москву. Отец получил повышение по службе, а вместе с ним – роскошную квартиру на Кутузовском проспекте. Лера росла умницей и красавицей, к семнадцати годам отлично знала английский, французский, испанский и шутя поступила в университет.

«Шутя» – это, наверное, не совсем подходящее слово. Лера была девушкой исключительно серьезной. В университете пять лет просидела над учебниками. Распределили ее в Министерство иностранных дел, где она очень скоро вышла замуж за ведущего специалиста из соседнего отдела – мужчину импозантного и, как утверждали некоторые, перспективного, впрочем, десятию годами старше Леры.

Молодые заняли одну из пяти комнат родительской квартиры. Георгий Петрович (тогда его еще называли Жорой) частенько уезжал в командировки в страны Юго-Восточной Африки.

Через два года у них родился сын. И вот тогда-то... сразу

после рождения Вадика или даже чуть раньше...

Все началось с невинного телефонного звонка. Валерии Михайловне позвонила подруга, точнее, приятельница по министерству.

Ее возмущению нет предела! Злые языки наперебой распространяют про Жорку гнусные сплетни. У него любовница, видите ли! Танька из секретариата, с косой такая, помнишь?.. Ха-ха-ха! Ты, Лерусь, можешь себе бред этот представить?!

Валерия Михайловна, естественно, не могла. Однако разговор задел ее за живое. Прошло несколько дней, и, движимая неясным импульсом, Валерия Михайловна решила съездить на работу. По дороге ей стало стыдно. Шпионить за мужем? Подглядывать?.. Она не знала, с чего начать, у нее даже не было версии, объясняющей ее появление на работе.

Не придумав ничего определенного, Валерия Михайловна зашла в буфет. Купила чашку кофе, пирожное и вдруг... увидала своего Жору. Стоя спиной к залу, Жора обнимал невысокую, пухленькую женщину в синей униформе официантки.

Вне всякого сомнения, это был он! Светло-русые волосы, бежевый пиджак из мягкой замши – на всю Москву у него один такой...

Женщину Валерия Михайловна рассмотрела очень внимательно. Узкая форменная юбка открывала толстые, короткие ножки. Жакет, надетый, очевидно, на голое тело, с тру-

дом сходил на пышной груди. Жора игриво водил по груди рукой, а официантка шумно вздыхала, хлопала густо накрашенными ресницами да поводила мощными бедрами, демонстрируя эротический восторг.

Валерия Михайловна прошла в нескольких сантиметрах от мужа, поставила кофе на столик и покинула буфет.

Домой Жора вернулся как ни в чем не бывало. Спокойный, веселый, ласковый. Он так же обнял жену за талию, как три часа назад обнимал официантку, и так же положил руку ей на грудь. Валерия Михайловна взорвалась.

Против взрывов Георгий Петрович оказался бессилен. Его стихией были любовь и сопутствующая ей легкая, непринужденная атмосфера. А укоры, крики, нотации – это, пожалуй, не к нему.

– Как тебе не стыдно! – вопрошала Валерия Михайловна, задыхаясь от гнева и брезгливости. – Средь бела дня в рабочее время при всех миловаться с... посторонней женщиной?! С какой-то официанткой...

– Лера, ну что за предрассудки?! – как мог, сопротивлялся Георгий Петрович. – У нас же с ней так, ничего серьезного...

– А с Таней из секретариата? – с замиранием сердца спросила обманутая жена.

– Да что может быть с этой Таней? Смех один! – Муж захохотал.

Но Валерии Михайловне было не до смеха.

Она не стала бы унижаться до упреков. Ни за что бы не

стала, если бы не сын. Что ей теперь делать? Растить мальчика без отца или смириться с фактом присутствия в их жизни пышногрудых официанток?

– Что делать? – спросила у мужа Валерия Михайловна.

– Да ничего! – беспечно ответил он. – Все в норме, Лера, дорогая!

Лера молчала, искренне пытаясь понять, почему такой расклад муж называет нормой.

Подумав, что она успокоилась, Жора опять попытался обнять ее, как официантку или Таню из секретариата, но Лера за это съездила ему по физиономии, а ночью заперлась в спальне, предоставив благоверному ворочаться на диване в проходной гостиной.

Так продолжалось несколько недель. Потом Жоре засветила очередная командировка в Африку. На этот раз он уезжал на несколько лет.

Для Валерии Михайловны это были мучительные годы. Перед родителями и сослуживцами она старалась делать хорошую мину. Дескать, все у нас нормально: муж работает, сын растет. Но подсознательно каждую минуту ожидала удара.

С кем сейчас коротает время ее Георгий? С официантками? С секретаршами? А может, с посольскими женами? А что, если его выпрут из Африки со скандалом? Тогда все – прощай, министерство. Кстати, ей в таком случае тоже придется увольняться. А в довершение чуда рано или поздно муж все равно вернется к ней. Само собой – по месту прописки!

Это был, так сказать, социально-бытовой аспект. А еще существовали израненная гордость, раздирающая душу жалость к сыну и страшная усталость от дурных предчувствий, лицемерия и вранья.

Но реальность оказалась в тысячу раз хуже самых дурных предчувствий. В Африке Жора путался не только с официантками, секретаршами и посольскими женами. Хотя с ними, наверное, тоже. Но подвела Жору любовь к экзотике.

Он наладился посещать одно заведение неподалеку от посольства, и там его наградили «дурной» болезнью. Валерия Михайловна не уточняла, что именно это была за болезнь,

однако ее последствия стали роковыми для всей семьи Ненашевых.

Рано или поздно Жору, конечно, выгнали бы с работы за аморальное поведение. Но ввиду того, что «дурная» болезнь оказалась неизлечимой, до моральной стороны дело не дошло. Он был уволен по состоянию здоровья и сослан в Москву – на вечное поселение. В Лерину квартиру, на Кутузовский проспект.

Слава обычно бежит впереди победителя, и задолго до Жориного приезда Лера в подробностях представляла, как обстоят дела.

После курса внутривенных инъекций Георгий Петрович стал не опасен для окружающих. Инъекции несколько замедляли действие болезни, но главный сюрприз заключался в том, что «дурная» болезнь поражала мозг, действовала на сознание. У Жоры была однозначная перспектива: рано или поздно ему светило превратиться в идиота.

Жора вернулся в Москву поздней осенью. В то время Лера буквально сбивалась с ног. Только что скончался ее отец. Вадик пошел в первый класс. Для того чтобы встречать сына из французской спецшколы, ей приходилось отпрашиваться с работы. Денег катастрофически не хватало, по ночам она сидела над переводами.

– Значит, так, – встретив вернувшегося из дальних странствий мужа, произнесла Валерия Михайловна. – Квартиру я, так и быть, разменяю. Тебе – однокомнатную на окраине. Большого не проси.

– Да-да, как скажешь, – поспешно согласился Георгий Петрович.

– Жить будешь пока вон там. – Она кивнула на дальнюю комнату, бывшую когда-то кабинетом ее отца. – И к ребенку не вздумай приближаться.

– Но, Валерия... Я как-никак отец.

– Это теперь не важно. Вадика лучше думать, что у него отца нет.

– А где он сейчас?

– В школе.

– Мне бы только на него посмотреть...

– Опомнися!

– Когда он вернется?

– Я сейчас сама поеду за ним.

– Можно с тобой?

– Нельзя.

– Это несправедливо!

– Иди в свою комнату и старайся выходить оттуда пореже.

Ничего не подозревая, Валерия Михайловна отправилась в школу за сыном. Она опоздала. Уроки уже закончились, родители увели первоклассников домой. Только Вадик сидел на банкетке и тихо скулил. Валерия Михайловна подошла и погладила сына по голове:

– Не надо плакать! Все в порядке, я здесь.

Вадим перестал всхлипывать и поднял на маму глаза, полные слез. И в эту минуту из-за колонны появился Георгий Петрович и радостно сообщил:

– Мы здесь, Вадик! Мы приехали за тобой!

И вот тут случилось самое невероятное. Ее сын, замкнутый, диловатый, сторонящийся, а временами просто пугающийся чужих, со слезами бросился на шею Георгию Петровичу.

– Папа!.. – Детское нытье грозило превратиться в счастливую истерику. Столько раз он заводил разговоры об отце! И, слыша в ответ сухие, обрывочные фразы, видимо, все-таки не сдавался. – Папа!..

«Обязательно нужно сходить с ним к врачу и убедиться, что его болезнь не заразна», – с тоской думала Валерия Михайловна, отходя в сторонку.

С отцом Вадим теперь не расставался ни на минуту. Они вместе ели, гуляли, смотрели телевизор, рисовали карикатуры и даже учили уроки. Ей начало казалось: у нее два сына. Один – обожаемый, родной, другой – его компаньон, приемыш, бедный родственник.

Сына Валерия Михайловна любила, приемыша героически терпела. С годами последствия «дурной» болезни все сильнее давали знать о себе: Георгий Петрович менялся исподволь. Нemoщ и скудоумие, почти неощутимые временами, проявлялись внезапно, резко, касаясь личности мужа с самой неожиданной стороны. Ее ярость уступала место жалости. Мысли о нормальной семье, о счастье тускнели, растворяясь в буднях. Когда же в один прекрасный день Вадик ушел из дома, ей стало и вовсе ни до чего.

Но недаром говорят, что счастье является к нам именно в тот момент, когда его перестаешь ждать. В поисках заработка Валерия Михайловна отправилась на российско-французское предприятие и встретила там своего старинного знакомого.

Знакомы они были давно и всего-то несколько дней, однако он сразу узнал ее и громко назвал по имени:

– Здравствуйте, Лера.

– Меня зовут Валерия Михайловна, – строго парировала

она.

– Я знал вас Лерой. И даже Лерочкой!.. Давайте вспоминать. Март шестидесятого года. Дом на углу Сивцева Вражка. День рождения...

Валерия Михайловна сразу вдруг вспомнила – все до мелочей. Ее подруга, даже и не подруга, а так – приятельница, однокурсница, отмечала двадцатилетие.

Валерии было душно, она пришла в гости в грубошерстном, под горло свитере и все время открывала окно.

Она не слышала, как новый гость вошел в комнату, как хозяйка представляла его. Она дышала пьяным мартовским воздухом, а когда, надышавшись, затворила оконную створку и случайно встретилась с ним глазами, подумала: «Какой симпатичный парень!»

Что подумал симпатичный парень, точно неизвестно, но, судя по тому, что он весь вечер не отходил от Валерии, думал он, наверное, то же самое.

После дня рождения вместе возвращались домой. Пьяной мартовской ночью шли по Арбату, по Смоленской, миновали Дорогомиловскую – дальше начинался Лерин Кутузовский проспект.

– Выходи за меня замуж, – ни с того ни с сего предложил симпатичный парень.

– Как замуж? – опешила Лера.

– Очень просто. Ты мне нравишься.

– Понимаешь, – она замялась, – мне некогда сейчас... Кур-

совую по стилистике надо писать.

– А это недолго! Полчаса до ЗАГСа, полчаса из ЗАГСа и там пятнадцать—двадцать минут.

Лера расхохоталась. Она решила, что на дне рождения симпатичный парень просто-напросто перебрал.

Утром мама чуть свет позвала ее к телефону. Спросонья Лера долго не понимала, кто ей звонит. Не торопясь называть себя, мужчина в трубке настырно повторял:

– Давай встретимся... Давай я прямо сейчас приеду к тебе?

В конце концов она догадалась: это он, вчерашний знакомый с Сивцева Вражка! Обрадовалась... Растерялась... Насторожилась...

Условились после лекций встретиться на Охотном Ряду.

– Зачем? – спросила Лера с опозданием.

– Обсудим детали, – деловито сообщила трубка. – Ну все, до встречи.

На Охотном Ряду он ждал ее с роскошным красным букетом – такие были редкостью в тогдашней Москве. Лера смущенно пробормотала:

– Спасибо, только зачем... Не стоило, наверное...

Он покровительственно ее обнял:

– Еще как стоило! Пойдем в ресторан.

Ресторан назывался «Националь». Лера опять смутилась: она была в скромном темно-синем платье, а зал высокомерно сверкал, ослепляя бесчисленными зеркалами и люстрами. Лера почувствовала враждебность к ресторану и к

симпатичному парню, благодаря которому оказалась здесь.

Но он не обращал внимания на ее враждебность. Закачал коньяк, а к нему – кучу каких-то деликатесов. Дружески улыбнулся:

– Ешь, а то проголодалась в своем университете! Эх, полетит он скоро ко всем чертям.

– Почему полетит?

– Да уж вот так. – Лерин визави разлил коньяк по рюмкам. – Послезавтра расписываемся в Грибоедовском. Давай выпьем – сегодня у нас помолвка.

– Стой. Как это расписываемся?

– Я только что из ЗАГСа! Там очередь – заявления за два месяца подают. А я договорился.

– Но мы... Я же не сказала тебе, что согласна.

– А я и так вижу: ты согласна.

– Ну знаешь ли!

Новоиспеченный жених засмеялся:

– Все! Пьем за нашу помолвку! Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

Лера тоже рассмеялась и выпила.

– Ну вот оно, твое согласие. – Он торжествующе кивнул на ее пустую рюмку.

– Да я не знаю! Я, может быть, и согласна. – Лера посмотрела на жениха нежными, затуманенными глазами, в душе она уже верила, что перед ней сидит ее суженый. – Только почему послезавтра? Давай летом, после экзаменов.

– Летом мы будем уже далеко отсюда.

– Где мы будем?! А мой университет?..

– Мы едем в Париж! У меня заграникомандировка, а у моей жены – вынужденные каникулы. Хотя... ты можешь совершенствовать свой французский в парижских магазинах! Можешь, верно?

– Да запросто!

Лера плохо представляла себя в парижском магазине, беззаботно болтающей с продавщицами. Более того, даже в московском она вряд ли бы решилась на такое. Но чего не скажешь ради красного словца да еще после третьей выпитой рюмки!..

– Только я вот что! Я же забыла... Мои родители! Ты непременно должен им понравиться, – вспомнила Валерия запоздало. – Иначе ничего не получится, увы.

– Родители? Да они будут в восторге!

– Не уверена.

– На что поспорим?

Спорить надо было на «мерседес», норковое манто или бриллианты. Лера-то своих родителей знала. Им скоропостижный брак дочери нравиться не мог.

– Ты уедешь за границу? Не закончишь образование? – ужасалась мама.

Отца интересовали иные вещи.

– Да кто он такой?! Какое ведомство направляет его в командировку?

– Ой, а я не знаю, – призналась дочь.

– Надо было выяснить, все уточнить! Он едет в Париж – а в каком качестве?

– Хорошо, я завтра...

– Чтоб завтра он был здесь! – рявкнул отец. – Сам все мне расскажет!

– Да-да, конечно. Он будет, он придет...

Назавтра все было готово к приему Лериного жениха. Его ждали к двум. Когда в столовой пробило три, мама нерешительно предложила:

– Может, ты ему позвонишь?..

Она уже оправилась от первого шока и мысленно была на стороне дочери. Мама всеми фибрами души хотела верить, что Лерин жених – человек достойный и, если опаздывает на час, на то имеются веские причины.

– Позвони спроси, что случилось.

– Да я не знаю его телефона.

– И адреса – само собой! – встрял отец. – И фамилии?! Поздравляю! Ты спуталась с аферистом! С международным шпионом. Он хотел проникнуть к нам в дом!

– Успокойся, – попросила мама, – пока еще ничего не произошло.

– Не произошло?! Да то, что вчера их с Валерией видели вдвоем в «Национале», – это уже ЧП. Он, может быть, на Лубянке сейчас, нашу фамилию следователям называет.

– Бог с тобой!

А Лере легче было бы думать, что он на Лубянке. Потому что, если у него все хорошо, значит, он просто передумал на ней жениться. Поэтому и не захотел встречаться с родителями...

Она старалась не подавать виду. Ушла в свою комнату. Утром поехала в университет, собираясь после лекций наконец-то заняться курсовой.

Заняться не получилось. В перерыве к ней подошла однокурсница – та самая, которая несколько дней назад праздновала свой день рождения, – и позвала Леру на девичник.

– Это что такое? – удивилась Лера. – Что за мероприятие?

– Приходи – узнаешь. – Девушка излучала загадочность и счастье.

– А, – сообразила Лера. – Ты выходишь замуж?

Однокурсница так и расплылась:

– Угу... И во Францию уезжаю.

Леру вдруг осенило.

– Ты за него выходишь? – Она назвала имя экс-жениха.

– Да! – Собеседница, кажется, была неприятно удивлена. – А ты откуда знаешь?

– Просто он говорил, что едет в Париж.

– Ну конечно!.. Как я не догадалась! Он же тогда пошел провожать тебя. Нализался, как поросенок, и болтал, наверное, невесть чего.

– Именно: невесть чего. Предложение мне сделал.

– Да он по пьяни еще не такое выделял, – деловито за-

метила однокурсница. – Ну, так ты придешь?

– Меня зовут Валерия Михайловна Ненашева. – Отсмотрев на бешеной скорости эти давно забытые кадры, Валерия Михайловна перешла к делу. – Я приехала по поводу вакансии переводчика. Я – сотрудник Министерства иностранных дел, перевожу с французского, английского, испанского. Я хорошо знаю вашу тематику и...

Она уже не знала, что говорить. Он слушал и молча улыбался. Потом извлек какие-то листочки из ящика стола.

– Подписывайте контракт, Валерия Михайловна. И будем считать, что рабочая часть вашего визита на этом исчерпана. А теперь я приглашаю вас поужинать в «Национале».

На этот раз Валерии Михайловне нечего было стесняться: на ней был дорогой офисный костюм, ярко-красные сапоги эффектно подчеркивали изящество длинных, стройных ног. Пила она гораздо умереннее, чем в далеком шестидесятом. Но все равно повторно наступила на те же самые грабли.

– Вы все еще сердитесь на меня, Лера?

– Шутите?.. Если бы сердилась, ни на минуту не осталась бы в вашем офисе. Переводчики сейчас требуются, предложений много. Нет, я не сержусь. Это так давно было. И давайте не будем ворошить прошлое.

– А хотите, я объясню вам, почему тогда исчез.

– Я знаю. Вы женились на моей однокурснице.

– Она меня обманула. Сказала, что беременна.
– Ах бедняжка, вы не знали, что ни при чем!
– Я был при чем. То есть мог быть – теоретически. Она сказала, что, если я на ней не женюсь, она найдет свидетелей и испортит мне карьеру.

Валерия понимающе кивнула:

– И вы испугались.
– Было дело.
– Зато теперь все страхи, слава богу, в прошлом. И у вас взрослый сын. Или дочь?
– Ошибаетесь, Лера. У меня ни сына, ни дочери. И – ни жены.
– А у меня сын. – Ее не интересовали подробности его семейной жизни. – И муж.
– Вы правду сейчас сказали?
– Почти правду.
– Значит, вы не замужем?
– Почему же? Замужем. Вы видели мой паспорт.
– А кроме паспорта? – допытывался он.
– А вы опять предложение собираетесь мне сделать?
– Вы имеете что-то против?
– Сначала сделайте.
– Даже так? А вы не обидитесь? Не уйдете?
– Ну делайте, делайте!..
– Лера, будьте моей женой.
– Для того чтобы стать женой, я знаю вас слишком мало.

– Вот и узнаете. Заодно.

– А когда бракосочетание? Уже договорились? Как обычно – завтра в Грибоедовском?

– Нужно будет, договорюсь!

Он ответил неожиданно серьезно, так что Валерия Михайловна даже испугалась:

– Ну что вы! Нет... Грибоедовский для нас теперь – это совсем лишнее.

И она стала его женой. Разумеется, без всякого ЗАГСа.

Валерии очень нравился ее новый дом – уютная типовая однушка на Юго-Западе. Ее избранник жил скромно. Его дипломатическая карьера не удалась, частью из-за жены, частью из-за каких-то еще сложных обстоятельств. Но он все еще верил в свою звезду, был молод, азартен, и Валерия вдруг ни к селу ни к городу почувствовала возвращение молодости. Был только один минус: каждую ночь она должна была возвращаться домой.

– Ты долго так не протянешь, – уговаривал новый муж. – Оставайся у меня, объяснись со своими домашними.

Валерия Михайловна откладывала объяснение со дня на день. Потом вдруг почувствовала: дальше откладывать нельзя. В последнее время она испытывает хроническую усталость. Надо остепениться. Приехать домой, все рассказать.

Но неожиданно в ее намерения вмешался господин случай. На службе, в министерстве, Валерии Михайловне стало плохо. Скорая увезла ее в больницу. Врачи, проведя обслед-

дование, объявили Валерии о страшном диагнозе.

– Надо срочно что-то предпринимать! – воскликнула я, дослушав ее исповедь.

– Да-да. На следующей неделе начнется химиотерапия. Потом – операция... Это все сумасшедшие деньги. Он платит. Зачем?..

– Он любит вас, – подсказала я тихо.

– Если я выживу, буду старая, страшная... Буду калека. Уже не женщина.

– А для него это не имеет значения.

– Ты так считаешь?.. Спасибо, Люда. Но я чувствую: мне уже не выкарабкаться.

– Вы просто боитесь. Страх перед операцией – это нормально.

– Есть страх, а есть интуиция. Предчувствие.

– Выбросьте из головы! Где вас будут оперировать?.. Я проконсультируюсь... у меня знакомый профессор, он подскажет...

Кажется, Валерия меня не слышала. Подперев щеку кулаком, она беззвучно оплакивала свою жизнь, счастье, любовь – все, что имело для нее смысл, было мило, дорого ей.

С избранником Валерии Михайловны мне довелось познакомиться в больнице.

Уже было известно, что операция прошла неудачно. Вадим, напуганный тяжелым состоянием матери, обычно дожидался меня в больничном холле. Георгий Петрович вообще смутно представлял, какое несчастье разразилось в его семье. Лишь новый муж все оценивал адекватно и ничего не боялся.

Когда Валерию выписали из больницы, он стал приходить к нам в дом. У порога отдавал мне тяжеленные сумки с фруктами, икрой и лекарствами и прямым шагом шагал в ее комнату, не замечая окаменевших по углам гостиной законного мужа и сына.

Я достаточно знала Вадима, чтоб понимать: его глубоко оскорбляет, шокирует ситуация. Весь этот жуткий, безобразный расклад!

К умирающей матери таскается любовник. Отец в состоянии быстро прогрессирующего маразма безразлично наблюдает за их свиданиями. В такие минуты Вадим равно ненавидел мать и отца.

Валерия сама виновата во всем! Воспитала его таким — чистоплюем бескомпромиссным...

Но я почему-то не могла говорить с Вадимом на эту тему.

Хотелось сказать: в жизни бывает и так, и так, и вот так бывает тоже. Не надо никого идеализировать. Твоя мама на поверку оказалась обычной, земной женщиной. Но это гораздо лучше, чем та, какой она пыталась казаться.

Нет, я ничего ему не сказала! Недаром ведь психологи утверждают: в людях нас особенно привлекают те качества, которых недостаточно в нас самих. Подсознательно я все еще восхищалась его хрустальным, не замутненным каплей цинизма отношением к жизни. Мы были женаты уже шесть лет, но рядом с ним я все еще чувствовала себя колючей, сорной крапивой. Не хотелось нарушать безмятежности прекрасного тепличного цветка.

Наверное, именно в те дни мое бессознательное, лишь частью осознаваемое восхищение стало трансформироваться в чувство ответственности, в наивную убежденность: Вадим не такой, как все, его надо оберегать, вести по жизни...

Постепенно эта идея сделалась моим кредо, моей путеводной звездой. Однако в сложившейся ситуации помочь мужу я была бессильна.

А между тем Вадик непритворно страдал. Представляю, как ему хотелось выставить за порог непрошеного гостя! Но на пути красивого жеста непреодолимой преградой вставали деньги.

Раньше главной добытчицей в семье была Валерия. Теперь мы жили втроем на зарплату Вадима и едва сводили концы с концами. А дорогостоящие продукты, наркотики,

одноразовые шприцы – все, что необходимо онкобольному, чтобы более или менее спокойно дожить до смерти, привозил тот самый ненавистный человек.

В сердце Вадима гордость вступала в борьбу с малодушием, нравственное чувство – с отвращением к безвкусным сценам. Прогнать негодяя означало обречь мать на лютые мучения. А лицезреть его в родительском доме значило испытывать такие же по силе мучения самому.

Не знаю, чем бы закончилась эта сложная душевная конфронтация, если бы Валерия Михайловна не скончалась вскоре.

Произошло это днем, в четыре часа. Стоял май. Было жарко и солнечно, но еще не душно, как бывает настоящим летом.

Он приехал с утра. Я обрадовалась: хорошо, что Вадим на службе. Георгий Петрович в его отсутствие обычно безвылазно сидит в своей комнате и даже не всегда выходит к обеду. Значит, сегодня не будет тяжелых, неловких сцен и можно позаниматься, потому что у меня скоро сессия, а лекции в этом семестре я пропустила почти все по причине Валериной болезни.

Я так и сделала. Собрала учебники и ушла заниматься в столовую. Проходя мимо спальни, притормозила на минутку. Представила: он сидит у изголовья Валериной кровати и держит ее за руку. Рука у Валерии Михайловны детская, невесомая. Я, когда мою ее, боюсь дотрагиваться именно до

рук. А он – ничего. Может сидеть так целыми днями.

Они почти не разговаривают. Сил у свекрови мало. Она часто засыпает, впадает в забытие.

Зачем это ему? Вызывающе, шокирующе молодому, стройному, как будто летящему? Зачем ему эта костлявая рука, эта восковая голова на подушке: откуда ни смотри, увидишь только профиль и никогда – анфас?

Надо признать, Валерия была красива и перед смертью. Правда, это была какая-то жуткая, потусторонняя красота. Эстетизация ужасного в духе рассказов Эдгара По.

Ерунда! Он просто ее любит, как никто никогда не любил меня. Вадим на такое не способен в принципе. Это же мужской поступок – просиживать дни напролет возле умирающей. А Вадик – еще ребенок. Валерия, пока была в состоянии, так старательно вдабливала ему в голову эту мысль. На самом деле скоро ему исполнится тридцать лет...

В комнате слышались шаги, и я, как с места преступления, рванула в столовую из-под двери спальни.

Наука в тот день не лезла мне в голову. Я тупо смотрела в книгу, когда он пришел и сказал бесцветно:

– Она умерла.

– Садитесь, – пригласила я. – Я вам сейчас налью чаю.

Почти залпом он выпил стакан горячего чая. Кажется, не почувствовал, что обжегся. Кивнул на пустой стакан:

– Налейте еще... Вы знаете, я сегодня потерял самое дорогое, что было у меня в жизни.

– Я понимаю.

– Я не могу простить себе...

– Оставьте! Вы сделали, что могли.

– Нет-нет, другое... Тогда, в молодости. Я ведь очень давно знал Леру. Вы не поверите, всю жизнь я думал о ней. Все собирался ее найти... А потом она сама отыскалась.

Он сидел на ее месте.

Сидя здесь несколько месяцев назад, она почти теми же словами рассказывала мне печальную историю их встречи и разлуки.

– Хорошо, что вы все-таки встретились. Хотя бы в конце. Без вас ей было бы очень, очень плохо.

– Вы так считаете?

– Она всю жизнь беспокоилась о достоинстве. Благодаря вам она смогла достойно уйти.

– Она должна была жить! – произнес он с тихим отчаянием.

– Это не нам решать.

– Я знаю, у вас были непростые отношения.

– Но я никогда не желала ее смерти! Однако не в этом дело... Вообще-то идите домой, пожалуйста.

– Как?! А похороны?! Кто будет заниматься похоронами?

– Не беспокойтесь, мы сами похороним ее.

– Вы?

– Ну да. Мы. Ее муж, сын, невестка.

– Да что ж вы... раньше-то?

– Давайте определимся, – предложила я. – Раньше мы тоже делали что могли. И вы делали. Но вы могли больше. А теперь все, что бы вы ни сделали, будет неконструктивно. Разрушительно.

– Почему? Что такое вы говорите?! Я хочу ее проводить! – настаивал он.

– Дайте сыну проститься с матерью. Уважайте чужие чувства!

– Возьмите, по крайней мере, деньги.

– Спасибо, – поблагодарила я.

С непроницаемым лицом Вадик вошел в прихожую. Осмотрелся.

– Он здесь? – Я покачала головой. – Приходил?

– С утра.

– Как мама?

– Иди поешь.

– Не обманывай меня! Что с ней... что случилось?

– Все равно это должно было случиться. Она так мучилась...

– Где моя мать?

– Вадик... я прошу: успокойся.

– Значит, она умерла?! Боже мой! Боже мой... – Он плакал. – А папа? Папа знает?

– Я заходила к нему... Он спал, кажется.

– Надо ему сказать! Я сейчас.

Неестественной прыгающей походкой Вадим направился в комнату отца.

– Она умерла!.. Папа! – Детское, ничем не прикрытое горе рвалось из его груди наружу. – Умерла сегодня. Ты слышишь? Идем к ней. Идем, надо проститься. Пап!!!

Напуганная его отчаянными воплями, я распахнула дверь. Вадим ходил из угла в угол, меряя комнату по диагонали. Георгий Петрович сидел в углу дивана. Вроде бы как

обычно. Но я почувствовала неладное.

– Георгий Петрович, вы слышите?! Валерия Михайловна... в общем...

Я никогда не забуду его взгляда, обращенного ко мне в ту минуту. В нем читались глубокое осознание случившегося и боль, материализовавшаяся боль.

– Георгий Петрович, надо пережить... Будьте мужественны!

В ответ он издал странный гортанный звук, нечто среднее между мычанием и рыком.

– Что с вами?

Звук повторился.

– Па-а-па... – Вадим вдруг резко остановился, замер посреди комнаты. У него побелели губы. – Па-а-п, что с тобой?!

Георгий Петрович не шевелился.

– Скорее, Вадик! Скорей! Вызови скорую! – закричала я.

– Скорую? Да в чем дело?

– Мне кажется, у него инсульт. Я попробую кое-что предложить... Не стой же – звони!

В институте пришлось брать очередную академку. После инсульта Георгий Петрович не мог самостоятельно передвигаться, есть-пить, и трижды в день ему необходимы были уколы.

А вскоре подоспело новое несчастье. Вадима уволили с работы. Страна отказалась от монополии на внешнюю торговлю, и ведомство спешно сокращало сотрудников. Кормить лишних людей никто не собирался – наступали суровые времена.

Теперь Вадик каждое утро ходил к метро покупать газету бесплатных объявлений. Звонил, потом ждал ответа – летел на каждый звонок. Однажды я случайно услышала фрагмент его телефонного разговора.

– Вам нужны морильщики тараканов? – В трубке что-то быстро проговорили. – Что вы сказали?.. Я семьдесят восьмой позвонивший? Вы имеете в виду, что столько не требуется. Ну ясно. Извините.

Я делала вид, что мне ничего не известно об этих поисках. Но как можно допустить, чтобы Вадим стал морильщиком тараканов?! Такое я и в самых страшных кошмарах вообразить не могла.

– Может, маминым сослуживцам позвонишь? – предложила я робко.

– Нет. Что ты...

Ничего не поделаешь – его так воспитали. Будь гордым, ни о чем не проси.

И вновь противостоять его дурацкой мифологеме у меня не хватило духу. Я все еще любила его. И любила именно таким – гордым полусказочным принцем.

Будь у меня хоть чуть-чуть свободного времени, я бы сама, не задумываясь, пошла работать. Да хоть морильщицей тараканов! Но, увы... На моих руках повис Георгий Петрович.

Ночи напролет я ломала голову, где бы раздобыть денег, и, наконец, придумала нечто грандиозное. Нужно просто сдать бабушкину квартиру! Народ в Москву едет со всех концов России, кто-нибудь да заинтересуется наверняка.

В той же газете бесплатных объявлений печатались телефоны риелторских контор. Оказалось, московские квартиры, да еще расположенные в районе Кутузовского, идут на ура на рынке недвижимости. Агент, свято уверенный в том, что проблемы ликвидности квартиры не существует, предложил мне встретиться вечером этого же дня. У него уже сейчас имелись желающие на мою квартиру.

– У вас будут предпочтения по клиентам?

– Если можно, я бы хотела семью.

– Нет проблем! Семью так семью. Будет вам семья. Русские из Подмосковья, он системный инженер, она визажист. Согласны?

Русские при ближайшем рассмотрении оказались волжскими татарами, Подмосковье – Саратовской областью. Системный инженер больше смахивал на шофера. Зато его супруга честно призналась, что торгует косметикой на рынке в Лужниках.

«В общем, визажист, – подумала я. – Хотя в этом не науки, спасибо».

Бабушкина квартира им сразу понравилась – молодые люди оказались на редкость непритязательными. Они за пять минут подписали контракт, отдали мне деньги и собрались домой за вещами.

– Вы услуги агентства забыли оплатить, – напомнила девушка-риелтор. – С вас пятьсот долларов – месячная стоимость арендуемой квартиры.

– Ах да...

Мужчина замялся. Жена выразительно глянула на него: дескать, вечно у тебя, дурака, все не слава богу, и полезла в сумочку за деньгами.

Полученные деньги риелторша разделила пополам. Одну часть прикрепила к договору при помощи розовой пластмассовой скрепки, другую убрала в кошелек, сшитый в виде симпатичной мышины мордочки. Я догадалась: кошелек был ее личной вещью.

– А вы не смотрите! – Девушка перехватила мой заинтересованный взгляд. – Я ничего плохого не делаю. Мы работаем на таких условиях – вот и все!

– Хорошие условия, – заметила я задумчиво.

– Чего ж хорошего-то? Виси целый день на телефоне, потом мчись куда-нибудь на высылки, грязь меси...

– Много приходится ездить?

– Когда как. Главное – по телефону договориться правильно. Ведь клиентов – их не поймешь! У каждого свои закидоны. Кому не нравится вид из окна, кому кафель в туалете, кому гардины в спальне. Вот вчера я в Лианозово ездила. Полдня промоталась – и вернулась ни с чем!

– Зато сегодня...

– Ну еще б и сегодня! Обломы случаются, конечно, но не каждый же день!

– Значит, вы почти каждый день... получаете вот такую сумму? – спросила я, забыв о приличиях.

– Суммы бывают разные. Все зависит от стоимости квартиры, – буркнула девица. – И насчет каждого дня вы тоже, конечно, хватили. Но кое-что я, в общем, имею.

– А вашему агентству, случайно, не требуются сотрудники?

– Да смотря какие.

– Ну... вот как вы.

– Агенты? Да сколько угодно! Агенты всем всегда требуются. Работа уж очень неблагодарная. И без зарплаты еще...

– А это? – Я беззастенчиво кивнула на сумку, в которую только что был спрятан мышинный кошелек.

– Так это проценты! Что потопаешь, то и полопаешь.

– Интересно было бы так потопать.

– Если интересно, пишите телефон.

Утром следующего дня я, как обычно, накормила своих мужчин завтраком, сделала укол Георгию Петровичу, вымыла посуду и отправилась на собеседование в агентство недвижимости «Моя крепость».

С этого дня в нашей жизни начался новый период, который можно описать при помощи простых двусоставных предложений.

Риелторская фирма «Моя крепость» находилось через дорогу от нашего дома. Я работала там сначала агентом, потом менеджером, далее – начальником отдела аренды, а недавно возглавила территориальное отделение компании.

Мне пришлось немало учиться.

Прослушав несколько краткосрочных риелторских курсов, я поступила на профильный факультет строительного университета. Потом были бесчисленные семинары и тренинги, касающиеся юридической базы риелторских операций, состояния московского жилого фонда, основных направлений городской жилищной политики, современных методик продаж и прочее, прочее, прочее.

Георгий Петрович умер через полгода.

Вадим сидел без работы, мучась профессиональной невостребованностью и угрызениями совести.

Я старалась оградить его от этих угрызений. Уверяла: мы живем на медные деньги, которые я зарабатываю простым неквалифицированным трудом.

На самом деле все было не так. И труд – не такой уж простой, и деньги – не такие уж медные.

– Да ты пойми, тут не в конкретике дело! – Вадим выходил из себя, пытаясь растолковать мне очевидные вещи. – Дороже или дешевле, но ведь работаешь ты одна. Я у тебя на шее сижу!

Несколько раз он порывался поступить в морильщики тараканов или на какие-то аналогичные должности, но я вовремя и очень умело пресекала его дурацкие попытки.

А потом у меня появилась одна клиентка – амбициозная провинциальная дамочка, во что бы то ни стало мечтающая жить на Кутузовском проспекте. Как часто случается с людьми подобного сорта, ее амбиции намного опережали ее возможности, в том числе и по части финансов. Но я помогла ей, и за это она пристроила Вадима в скромную компанию, занимающуюся оптовой торговлей со странами Ближнего Востока.

Вопреки моим предчувствиям компания понемногу набирала обороты. Когда после нескольких лет службы Вадиму предложили место главного специалиста, он был страшно горд и счастлив, хотя и виду не подавал.

Обмануть он мог кого угодно, но не меня! Я знала его тайные слабости и страсти, мельчайшие склонности и привычки. А главное, к тому моменту я уже поняла: мой цветок вырос в условиях извращенной – мичуринской – теплицы.

Детство и юность Вадима прошли как будто на сцене. Бездарные актеры-родители разыгрывали для него скучную, правильную пьесу: они не любили друг друга, не ссорились

и не мирились, и все, что происходило между ними, строго подчинялось правилам этикета. А малейшее отклонение воспринималось как моветон!

Все мы родом из детства.

Не без содрогания я вдруг увидела: главное в жизни для Вадима – соблюсти приличия. До недавних пор он зарабатывал меньше жены, считал это неприличным и страшно нервничал. Теперь, слава богу, добился паритета – равенства наших зарплат. У него с сердца скатился тяжелый камень. Больше беспокоиться ему не о чем!

Я принялась перебирать нашу жизнь, ища подтверждения или опровержения своего открытия. Найти опровержение оказалось проще.

Вот оно – сам факт нашего брака! Женившись на мне против воли матери, Вадик грубо нарушил семейные устои.

Да, нарушил. Но он же не был волен! У него просто зависимость была от меня. Обыкновенная физиологическая зависимость!

Я стала для него первым проводником в радостную, солнечную страну секса. И он не захотел остаться в одиночестве в этой прекрасной стране. Он просто не мог... не мог противостоять зову могучего, древнего инстинкта! Но он никогда не любил меня. Хотя бы потому, что любить его не учили. Не было у них в семье такого понятия.

Словом, я вышла замуж за грубую, бесчувственную колоду!...

Мне хотелось подобрать слова пообиднее. Получи по заслугам, идиотка!.. Вот он каков на самом деле, твой звездный мальчик. А ты для него...

Да, я все еще делала для него мыслимое и немыслимое. Относилась к нему, как к возлюбленному, как к мужу, как к сыну!.. Тем более Бог не дал нам детей.

Дальше начиналось само худшее. Что теперь делать? Развестись? Бросить сироту на произвол судьбы? Нет! Я все еще любила его, скучала, если мы разлучались надолго. Да и мне просто не хотелось оставаться одной.

Конечно, многие женщины в наше время выходят замуж во второй и даже в третий раз. В этом нет ничего страшного. Но мужа тоже надо где-то найти!

Одна сотрудница нашего агентства – дама приблизительно моих лет – решила сменить спутника жизни. Дала объявление в газету и получила множество откликов. Писали козлы, алкаши и импотенты. Она обратилась в другое издание, но толку чуть. Видно, у раздела «Брачные объявления» существовала вполне определенная аудитория.

Моя коллега залезла в Интернет, обожала все брачные агентства. Письма ей приходили пачками. В ее электронном ящике скапливались гигабайты информации... и все – от козлов, импотентов и алкашей.

Мы просто поражались ее негибамости! Она ни за что не хотела сдаваться и в конце концов вознаграждена была. Оно и понятно: ее труды по поиску мужа можно сравнить с

трудами Ленина по подготовке революции в России.

Одно время я стала задумываться: а не пойти ли и мне ее дорожкой?

Постоянно взвешивая все pro и contra, я приучила себя критически смотреть на мужа и с каждым днем открывала все новые и новые минусы. Где только глаза у меня были раньше?!

Минусы раздражали. В состоянии раздражения я цеплялась к Вадиму по мелочам, кричала или, наоборот, весь вечер сидела, надувшись, как мышь на крупу.

Муж не был готов к таким переменам. К тому же он искренне недоумевал: в чем причина этих перемен?

Ссоры он не поддерживал. Молчание переносил равнодушно. Я думала, в нем говорит пресловутая приверженность этикету. Но все было отнюдь не так просто. Муж, оказывается, встретил другую женщину.

Интересно, он тоже, как моя коллега, писал письма, таскался по брачным конторам и лазал в Интернет?

Хотя найти приличную женщину в наши дни, безусловно, легче, чем найти мужчину...

В спальне зазвонил телефон:

– Тетя Мила! Ну наконец-то!

Я ощутила разочарование и слабость в коленях. Подспудно все-таки ждала звонка от Вадима...

Но он не придет и не позвонит – тебе же объяснили человеческим языком! Женщина объяснила с красивыми миндалевидными глазами. Та святая, с фрески...

– Тетя Мил, ты немедленно должна приехать ко мне!

Звонила дочь моей подруги Ольги – двадцатитрехлетняя взбалмошная девица, привыкшая к тому, что все ее желания и капризы исполнялись по первому требованию.

– Стась, я устала! Прилетела утром, на работе уже была, и завтра мне предстоит...

– Не оправдывайся, – перебила Стася. – Сегодня у тебя не получится откосить!

– Да я не откашиваю...

– Не откашиваешь? Да?! А кто обещал приехать ко мне еще в мае? Кто потом нахально дотянул до отпуска и слинял на Сардинию, а?

– Ты передергиваешь.

– Не надо!.. Короче, выезжаешь из Москвы по Холщевскому шоссе, едешь до эстакады, дальше налево третий поворот. Там сразу будет указатель «Коттеджный поселок «Бе-

резовая роща», восемнадцатый дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.